

УДК 81'27:811.111(045)

*Н.И. Пушина, Н.В. Маханькова, Е.А. Широких***КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ВЕРБАЛЬНЫЕ / НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

*Иностранным языком овладеть можно.
Спотыкаешься всегда о культуру*
(Л. Виссон)

В статье рассматривается культурная интерференция в межкультурной коммуникации. Традиционно понятие интерференции связано с нарушением языковой нормы под воздействием элементов другого языка, а также процессом воздействия одного языка на другой. Интерференция тесно связана с проблемой овладения вторым языком, что необходимо учитывать при обучении иностранному языку.

Не меньшее значение приобретает интерференция как вербального, так и невербального характера на уровне культур в межкультурной коммуникации. Неправильная интерпретация носителями одной культуры сообщения, сделанного представителем другой культуры, может привести к разногласиям, нежелательным конфликтам и опасным последствиям. В межкультурной коммуникации значение имеет правильное осмысление фоновой лексики (лингвострановедческая интерференция), внимание к сходным в разных культурах реалиям, явлениям, нормам поведения, и, в целом, осмысление общей для социума системы ценностных ориентаций, стереотипов сознания, установок и поведения, форм общения, которые передаются от поколения к поколению.

Ключевые слова: интерференция, культурная интерференция, межкультурная коммуникация, нарушение языковой нормы, вербальная интерференция, невербальная интерференция, фоновая лексика, культурные реалии, нормы поведения, система ценностей.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-766-774

Понятие интерференции не является новым. Сам термин «интерференция» – латинского происхождения и обозначает: «*inter*» между + «*ferens*» несущий, переносящий. Источником его является физика со значением наложения волн, ведущего к их взаимному усилению или ослаблению. Появившись в сфере физики, химии, биологии, термин «интерференция» затем был заимствован в область лингвистики для обозначения взаимопроникновения языков. Работы И.А. Бодуэна де Куртене, а позже Л.В. Щербы наметили программу изучения и описания языковых контактов как процесса интерференции [24].

До последнего времени понятие интерференции разрабатывалось в основном в контрастивной лингвистике, где под интерференцией понимается нарушение языковой нормы под воздействием элементов другого языка, а также процесс воздействия одного языка на другой. Имеются в виду случаи, когда человек нарушает норму языка, накладывая структуры одного языка на структуры другого языка; а также то, как этот процесс отражается на готовых текстах – области лексики, грамматики и т.п.

Явление интерференции изучается в довольно широком спектре научных дисциплин и направлений: лингвистике, социолингвистике, психологии, психолингвистике, методике преподавания иностранных языков и т.д., где появляются все новые исследования, с применением новых подходов, новых интерпретаций уже, казалось бы, хорошо освоенной и изученной проблемы [9].

Психологи рассматривают интерференцию как возникновение препятствий и помех вследствие переноса навыков и умений из одной деятельности в другую, как обусловленный объективными расхождениями процесс конфликтного взаимодействия речевых механизмов в речи билингва, проявляющийся в отклонениях от закономерностей одного языка под отрицательным влиянием другого взаимодействующего языка или вследствие аналогичных внутриязыковых влияний [8].

В психолингвистике интерференция предстает как неотъемлемая составная часть процесса медленного, постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка в процессе овладения им.

В лингвистике под интерференцией понимается взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при *контактах языковых*, либо при индивидуальном освоении неродного языка, что выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [4, с. 197]; «нарушение билингвом норм и правил соотношения двух контактирующих языков» [1, с. 17].

Это явление описывается в трудах многих отечественных и зарубежных ученых (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, В.Н. Комиссаров, Н.А. Любимова, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.М. Вишневская, К.Я. Сигал, Н.Б. Мечковская, В.В. Алимов, У. Вайнрайх, Э. Хауген, и др.).

Широкое признание термин «интерференция» получил после выхода в свет монографии «Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования», опубликованной американским ученым У. Вайнрайхом, известным своими исследованиями в области социолингвистики и интерференции. Согласно У. Вайнрайху, под интерференцией понимают «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [3, с. 22].

По мнению Э. Хаугена, известного в большей степени работами в области экологии языка и эколингвистики, интерференция представляет собой «случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками» [21, с. 61].

Как отмечает Н.Б. Мечковская, автор известного издания по социальной лингвистике, интерференция двух языковых систем – их частичное отождествление и смешение вследствие ошибочного уподобления отдельных черт неродного языка строю родного (или основного) языка, приводит к ошибкам в речи (иногда на одном, иногда на обоих языках), затрагивая при этом любые уровни языка – фонетику (это то, что в обиходе зовется *иностранным акцентом*), морфологию, словообразование, лексику, синтаксис. Интерференция языковых систем в сознании и речи двуязычного индивида представляет собой психолингвистический аналог процессу смешения языков в надындивидуальном плане [13, с. 104].

В методике преподавания иностранных языков интерференция рассматривается как отрицательный результат неосознанного переноса прежнего лингвистического опыта, как тормозящее влияние родного языка на изучаемый иностранный язык. Интерференция – наложения сформированных навыков на вновь формируемые со знаком минус, то же самое, что отрицательный перенос [11, с. 38]. При этом положительному переносу уделяется крайне недостаточное внимание. Между тем, чрезвычайно важно исследовать положительное воздействие владения родным языком на процесс овладения иностранным. С момента реализации первого акта общения на иностранном языке человек, изучающий иноязычную речь, становится двуязычным, известно, что перенос речевых действий из учебной ситуации в ситуацию естественного общения произойдет только в случае, если ситуации сходны по своей природе. В основе положительного переноса навыков лежит сознательное отношение к действию, понимание принципов и правил, которым оно подчиняется [12, с. 157].

Традиционно проблема интерференции, как уже отмечалось ранее, тесно связана с проблемой овладения вторым языком. Как показывают наблюдения, употребляемые многими студентами грамматические, фонетические и лексические структуры и комплексы в большей или меньшей степени носят отпечаток родного языка. Так, при изучении английского языка студенты-носители русского языка пренебрегают долготой английских гласных, имеющей смыслоразличительное значение, например: *i краткое, i долгое: ship – корабль, sheep – овца*. В результате путешествия осуществляется *на овце*, а не *на корабле*. С определенными трудностями преодолеваются ошибки в употреблении сложных форм инфинитива, и в речи стараются подменить такие формы лексическими способами, более типичными для русского языка. Не носители английского языка часто не осознают всех оттенков значения, передаваемых модальными глаголами, различными формами сослагательного наклонения и т.д. Влияние русского языка ощущается в таких фразах: *Probably she was ill*, употребляемой вместо *She must have been ill*; *I see her little* вместо *I see little of her*; *The door did not want to open* вместо *The door would not open* и др. [7, с. 85]. Зачастую прямая синтаксическая интерференция («синтаксическое калькирование») является причиной грамматически ошибочных построений. Но существует также косвенная синтаксическая интерференция, которая выражается в построении фраз, правильных как относительно исходного смысла, так и грамматически, но неправильных стилистически [15, с. 266].

Поднимался вопрос типологии интерферентных явлений [18]. Как полагает К.Я. Сигал, такая типология должна подразумевать учет, как минимум, двух аспектов: во-первых, следует установить, к какому уровню репрезентации относится данное явление в родном языке билингва; во-вторых определить, на каком уровне анализа эта интерференция обнаруживается в неродном языке, средствами которого обеспечивается данный речевой акт. «Выделенные при таком подходе типы интерферентных явлений будут охарактеризованы не только по их принадлежности тому или иному уровню языка, но и по их функциональной значимости в каждой из языковых систем» [18, с. 139].

Интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент, особенности артикуляции). По замечанию В.А. Виноградова, главным источником интерференции являются расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация, различное соотношение дифференциальных и интегральных признаков, различный состав грамматических категорий и / или различные способы их выражения и т.п. [4, с. 197]. Возникает множество трудностей перехода от одного языка к другому.

По-видимому, следует отметить и такой момент, как это делают некоторые исследователи: на первой стадии изучения иностранного языка интерференция может выражаться не в нарушении фонологической, грамматической или даже лексико-семантической нормы, а в некотором упрощении языка. И если не уделять достаточного внимания систематической работе над расширением словарного запаса, над автоматизацией употребления тех или иных грамматических форм и конструкций, то примитивный способ выражения мыслей на иностранном языке может сохраниться надолго, а, возможно, и навсегда.

Несмотря на многочисленные случаи негативного переноса навыков и привычек родного языка на чужой, удастся положительно использовать частичное сходство языков. Так, обучая носителя русского языка употреблению артикля (определенного, неопределенного) в английском языке, можно обратить его внимание на различия, существующие в его родном языке, в котором данная категория отсутствует. То, что англичанин выражает чередованием членов системы (системы артикля), русский выражает чередованием последовательности элементов структуры предложения. Например, *The woman went out of the room.* – *Женщина вышла из комнаты.* *A woman went out of the room.* – *Из комнаты вышла женщина.* Грамматическая система навязывает тем, кто говорит на данном языке, особый способ организации речевого опыта [7, с. 86].

В зависимости от «направления» интерференция может быть прямой, обратной или двусторонней; в зависимости от вида речевой деятельности – импрессивной (рецептивной) или экспрессивной (продуктивной); в зависимости от формы проявления – явной или скрытой; внутриязыковой (внутренней) или межъязыковой (внешней), интерференцией первого или второго и т.д. языка; в зависимости от результата – затрудняющей, нарушающей или разрушающей.

Не меньшее значение приобретает интерференция на уровне культур в межкультурной коммуникации. Так, О.В. Шелестова наряду с языковой интерференцией выделяет речевую (стилистическую, нормативную, узуальную), коммуникативную (ситуативную), экстралингвистическую (мимику, жесты, культурно-исторические реалии) [22, с. 14]. Проявления в речи межъязыковой интерференции более очевидны и поддаются коррекции, а проявления нарушений культурных норм выражены в меньшей степени, и им не всегда уделяется должное внимание.

Культурный аспект интерференции исследуется в работах П.В. Тимачева, Н.П. Федоровой, А.В. Щепиловой и др. Так, лингвокультурная интерференция определяется П.В. Тимачевым как полное или частичное несовпадение культурных коннотаций одного языка с культурными коннотациями других языков, вступающих в контакт друг с другом. При этом источниками лингвокультурной интерференции могут быть несовпадения культурных и языковых картин мира, а также полная или частичная лакуарность в сфере культурной коннотации. Культурная коннотация актуализируется в межкультурной коммуникации в эксплицитной или имплицитной форме и сопровождается коммуникативными недоразумениями. Выражаемая эксплицитно культурная коннотация (реалии) в то же время скрывает в себе определенную экстралингвистическую информацию, которая отрицательно сказывается на межкультурной коммуникации, способствуя возникновению лингвокультурной интерференции, и тем самым препятствует адекватному восприятию информации [20, с. 4]. Отмечается, что лингвокультурная интерференция, как и языковая, проявляется на всех уровнях языковой системы. Однако, в отличие от языковой интерференции, проявляющейся в большей степени на начальных этапах овладения языком, лингвокультурная интерференция характерна для тех, кто владеет языком в достаточной степени для свободного общения на нем с носителем этого языка. Это объясняется тем, что на начальных этапах обучения внимание уделяется только формированию языковой, а не коммуникативной, компетенции учащихся, то есть без учета экстралингвистической действительности, стоящей за языковыми явлениями.

Лингвокультурная интерференция возникает не только между разными контактирующими языками и культурами, но и между разными культурами внутри одного языка. Возникая в межкультурной коммуникации, данные типы лингвокультурной интерференции приводят к разного рода коммуникативным недоразумениям вплоть до коммуникативных провалов.

А.В. Щепилова выделяет культурную интерференцию, которая вызвана «не самой системой языка, а культурой, которую данный язык отражает». К причинам такой интерференции автор относит сходные в разных культурах реалии, явления, нормы поведения и неодинаковые формы речевого этикета [23, с. 78]. Например, коммуникант неправильно воспринимает и интерпретирует явления и события иной культуры, а также коммуникативное поведение своего собеседника, а именно: воспринимает и оценивает личность собеседника через призму принятых в родном лингвосоциуме норм и ценностей, через призму усвоенной им модели миропонимания [6, с. 5]. Известно, что во Франции нет обычая благодарить хозяйку после еды, вставая из-за стола. В России же при этом отвечают: «*На здоровье!*». В русском языке «*пожалуйста*» используется как формула вежливости, имеющая нюанс значения «*не за что*», употребляющаяся как ответ на «*спасибо*». В английском и французском языках «*please*» и «*il vous plaît*» этих значений не имеют.

Результатом культурной интерференции может быть несоответствующая фатическая реакция со стороны русскоговорящего индивида на вопрос «*How are you?*» («*Как поживаете?*»), когда последний, как правило, начинает давать подробный ответ, описывая свое здоровье, семейные обстоятельства, успехи или неприятности на работе, в то время как английский язык, в соответствии с требованиями культуры, национального характера и менталитета, допускает практически только один ответ: «*Fine, thank you*» («*Спасибо, хорошо*»), даже если говорящий расстроен, болен или глубоко несчастлив. Данный пример иллюстрирует употребление языка в фатической (контактоустанавливающей) функции, которая направлена на установление контакта с собеседником и не несет в себе никакой другой смысловой нагрузки.

Умение коммуницировать требует от обучаемого способности ориентироваться в социальной ситуации и управлять ею. Как реалии, так и конвенции социального поведения существенно различаются в разных культурах. Русский речевой этикет заметным образом отличается от английского. Если в русском речевом этикете при поздравлении принято употреблять такой стереотип, как: «*Поздравляю тебя с Новым годом!*». В английском – «*Happy New Year!*».

В межкультурной коммуникации имеет значение правильное осмысление фоновой лексики – внимание к лингвострановедческой интерференции. При изучении иностранного языка и его последующем использовании в коммуникации необходимо овладение не только словом, но и типизированным образом в национальном сознании народа – носителя языка и культуры; в противном случае происходит перенос понятий одного языка на понятия другого, например: «*le premier étage*» – «*первый этаж*» вместо «*второй*» (в немецком языке: «*der erste Stock*» – «*первый этаж*» вместо «*второй*», в английском языке – «*first floor*»).

Хороший материал для знакомства с особенностями национального характера представляют собой пословицы, поскольку несут на себе отпечаток своеобразия образной системы, исторически сложившейся и отражающей многовековой опыт общения людей определенного этноязыкового коллектива и познания ими окружающей действительности. Так, паремии, имеющие в своем составе зоонимы, в силу своей оригинальной образности и ассоциативности, присущих одной лингвокультурной общности, могут представлять интерес для представителей другой лингвокультурной общности, так как основные жизненные концепты у большинства народов совпадают, но могут и различаться. Одни и те же животные могут играть неодинаковую роль в жизни разных этносов и оцениваться ими по-разному. Так, например, в русской культуре *заяц* считается символом трусливости и слабости (*Лучше умереть орлом, чем жить зайцем*), в то время как в китайской культуре *заяц* считается животным добродушным, остроумным. По мнению русских, *сорока* очень любит болтать и занимается злословием, что отражается в примерах: *Сорока на хвосте принесла; Всякая сорока от своего языка погибает; Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу*. Однако в Китае образу *сороки* придают другое значение. *Сорока* всегда приносит людям приятные новости и счастье: *Поёт сорока, скоро родственники придут* и т. д. Интересно, что в русском и китайском языках часто встречаются сходные выражения, которыми русские пользуются для описания свойств одного животного, а китайцы – другого животного. Подобные совпадения символики разных животных в двух языках не случайны. Сложившись в быту, они навсегда закрепились в языках [17, с. 123].

Хотелось бы отметить, что культурный компонент с точки зрения интерференции важен не только в отношении культурно-исторических реалий, не имеющих аналогов в разных языках, но и самых общих понятий. Так, Л. Виссон, указывая вслед за Э. Сепиром на то, что связь языка и культуры очевидна и

неоспорима, приводит пример того, насколько различными могут быть для представителей разных языков схожие, на первый взгляд, понятия, слова и выражения в силу различия культур, в которых эти языки используются. Например, концепт «дом» неодинаков для русских и американцев, поскольку для первых это понятие включает в себя и значение «*физический, материальный объект, сооружение, здание для проживания*», и «*домашний очаг, семья*», в то время как для последних эти понятия разводятся: для места жительства используется слово «*house*», а для обозначения семьи и социального понятия «дом» – «*home*». Так же, как и выражение «*трехкомнатная квартира*», скорее всего, американцем будет воспринято как «*three-bedroom apartment*», которая фактически состоит из четырех комнат [5, с. 16]. Это довольно простой пример, когда интерференция происходит при определённой низкой степени владения английским языком русскоговорящим индивидом. Л. Виссон приводит также пример ситуативной, стилистической (узуальной) и даже социально обусловленной интерференции в контексте двух культур. Отмечая разницу в стилях общения в зависимости от ситуации и общественного положения говорящего, Л. Виссон указывает на то, что в различных ситуациях общения (с руководителем, официантом или знакомым), русские люди в США, пытаясь говорить на «естественном» английском языке, целенаправленно запоминают определённые фразы и слова, но забывают при этом, от кого и когда они их слышали, употребляют их не к месту, вызывая, тем самым, недоумение собеседника [5, с. 36].

Культурная интерференция может быть не только вербального, но и невербального характера. Так, в частности, очень важно то, что в разных культурах отличаются, причем довольно значительно, социальная, личная и интимная дистанции – меняются, как правило, не только размеры дистанций, то есть количественная величина, но и их качественные характеристики. При рассмотрении интерференции важной является принадлежность к контактной / неконтактной культуре (Э. Холл). К примеру, в неконтактных культурах типа скандинавских физическая дистанция может восприниматься и оцениваться как интимная или личная (иногда говорят: *близкая*), тогда как контактные культуры: израильская, латиноамериканские или арабская ту же дистанцию сочтут социальной (*нормальной*). В Юго-Восточной Азии люди, желающие вступить в диалог, как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не коснуться партнера, поскольку даже нечаянное прикосновение к голове партнера в соответствующих культурах рассматривается как серьезное нарушение этикетных норм проксемики взаимодействия [11, с. 468].

В каждом естественном языке существуют особые выражения, обозначающие актуальное коммуникативное пространство или расстояние между участниками коммуникации, смену коммуникативных партнеров или конкретных параметров имеющейся коммуникативной среды, ср. *Подойди сюда; Сядь с ней; Не приближайся ко мне; Уходи отсюда; Не смей поворачиваться ко мне спиной!* и др. Многие из этих языковых выражений сопровождаются строго определенными жестами и позами, при этом исполнение и восприятие жестов в той же мере, что и употребление слов, связаны с пространством коммуникации. Разные коммуникативные жесты требуют разных физических дистанций между партнерами, а это предполагает в том или ином виде указание на дистанцию в лексикографическом представлении жестов [11, с. 469].

Как отмечает Г.Е. Крейдлин, проблема межкультурного соответствия жестов, или, как ее обычно называют в невербальной семиотике, проблема универсализма, тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются.

Г.Е. Крейдлин ссылается на интересный факт, подтверждающий, что каждый народ и каждая культура имеют свое «немое кино». Так, Ч. Чаплин как-то сказал: «дайте мне посмотреть, как вы двигаетесь и жестикулируете, и я сразу скажу вам, где вы родились». Неправильная интерпретация носителями одной культуры невербального сообщения, сделанного представителем другой культуры, может привести к нежелательным конфликтам и опасным последствиям. Неправильное понимание невербального поведения – один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого вполне можно было бы обойтись. Например, немногие американцы знают о том, что китайцы очень не любят, когда их трогают, хлопают по плечу и даже пожимают руку. Если бы американцы, для которых данные жесты означают близость и дружелюбие, не применяли их по отношению к китайцам, скольких обид можно было бы с легкостью избежать! [11, с. 131-132].

В русской культуре не принято класть ноги на стол, это интерпретируется как грубое неуважение к окружающим [16, с.156]. Русские в театре или кинотеатре проходят по ряду кресел к своему месту

лицом к сидящим – это культурно, уважительно – не поворачиваться спиной к сидящим; англичане же, например, проходят лицом к сцене, чтобы не нарушать *privacy* [16, с. 157].

Точное понимание смысла полученного невербального сообщения важно еще и потому, что отдельные жестовые формы, встречающиеся в разных культурах, хотя и не тождественны по значению, могут иметь в них семантически сходные интерпретации, например, жестовая форма «*пожать плечами*», «*зажать нос*».

При рассмотрении вопроса об интерференции в межкультурной коммуникации следует обращать внимание и на межкультурную омонимию. Интересен пример с кинемой *кольцо* (*OK, ring, zero*). В русскую культуру жестовая форма знака *кольцо* вошла сравнительно недавно, и ее основной областью бытования стала русская молодежная среда и сфера бизнеса. Жест *кольцо* заимствован из американской кинестетической системы, в которой имеет значение «*все в порядке, все хорошо*». Между тем в Японии та же форма означает «*деньги*», но не деньги вообще, фигурирующие в произвольно взятой ситуации, как часто неверно пишут про данный жест, а исключительно деньги, связанные с ситуацией купли-продажи. В Венесуэле эта жестовая форма относится к категории обценных: она имеет явно выраженный неприлично-сексуальный смысл, а в Тунисе форма принимает несколько иной вид – все пальцы, кроме указательного и большого, вытянуты вертикально вверх – и имеет совсем другое значение: «*я убью тебя*». В Греции и на острове Сардиния в Италии форма жеста такая же, как в США, а значение жеста можно примерно описать как «*отмахнуться*» [подробнее см.: 11, с. 135–136]. Совсем недавно в России данный жест появился в рекламе одного из банков, но со значением нулевой комиссии при оплате услуг ЖКХ, а также при снятии денег со счета.

Общение неизменно включает как вербальные, так и невербальные компоненты, причем невербальный стимул может повлечь за собой вербальную реакцию и наоборот, культурная интерференция может проявиться на поведенческом уровне невербальными средствами. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: россиянин гостит в американской семье. Хозяйка дома приглашает гостя поужинать, тот отвечает вежливым отказом в надежде, что его будут уговаривать. Однако дальнейшего приглашения не последовало, и гость остался голодным [2, с. 52]. Другой пример, когда хозяйка дома с большим удовольствием приготовила угощение для гостей из России и предложила им попробовать и оценить ее кулинарные умения, один из гостей, не владевший английским языком на должном уровне и не обратившим внимание на культурную, столь важную, составляющую языка, произнес следующую фразу: «*I am fed up*», что означает «*по горло сыт*». Разумеется, хозяйка обиделась. Последовавшие за этим извинения и пояснения в какой-то мере сгладили впечатление. Но осадок остался у всех.

Примером кросс-культурной интерференции на невербально-вербальном уровне при восприятии может послужить ситуация, когда выступление министра образования Италии в январе 2011 г. по телевидению вызвало бурную реакцию итальянцев. Причиной тому послужило яблоко, лежавшее на столе в студии («*Как она смеет! Только посмотрите – яблоко! Можно подумать, что она – хороший учитель!*»). Такая реакция не была поддержана ни вербально, ни невербально не носителем итальянской культуры. Е.В. Коршук объясняет это тем, что обычай дарить учителю яблоко, известный в целом ряде стран – в Италии, США, Швеции, Дании – относится к XIX в., когда ученики в знак признательности хорошему учителю приносили маленькие подарки. И очень часто таким подарком, особенно в сельской местности, становилось яблоко. Сегодня такой обычай практически не существует, но реакцию у носителей соответствующих культур вызывает. Причем реакция зависит от типа культур, к которым относятся коммуниканты [10].

Культурная интерференция представляет собой результат перехода с одной культуры на другую, который происходит в межкультурном общении, или перенос в процесс общения в иной культуре элементов и правил их функционирования в родной/первичной культуре. С.Г. Тер-Минасова в книге «Язык и межкультурная коммуникация» делает следующее замечание в отношении культурных ошибок: «все мы знаем из собственного опыта, с каким добродушием встречаются ошибки в иностранных языках его носителями. Культурные же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление» [19, с. 34].

В заключение отметим, что интерференция является вмешательством элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте, а результат этого вмешательства может быть как отрицательным, так и положительным, способствующим адекватному взаимопониманию, а также реализации эффективного коммуницирования. Внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на явлении отрицательной интерференции, ее прогнозировании и предупреждении, так как «отрицательный» языковой материал создает определенные препятствия, тормозит процесс общения, что приводит

к непониманию и коммуникативным неудачам. При интерференции с положительным эффектом для коммуникационного успеха необходимо не только овладение знаниями языка родного и иностранного, но и знаниями культурологических особенностей участников коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. М.: Едиториал УРСС, 2005. 160 с.
2. Баграмова Н.В., Соломина А.В. Роль интерлингвистических и интралингвистических процессов при изучении иностранного языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 174. С. 44–53.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 264 с.
4. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 197.
5. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2007. 192 с.
6. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам. ИЯШ, 2004. № 1. С. 3–7.
7. Гончарова О.Н. О языковой интерференции // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Ученые записки. № 274. Пермь, 1974. С. 83–88.
8. Жаркова Т.И. Интерференция как один из барьеров для реализации бизнес-общения. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/518122>
9. Исмагилова Н.В. Морфологическая интерференция при учебном русско-английском билингвизме и способы ее преодоления // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XIV Международной научно-методической конференции / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. Уфа: УГАТУ, 2022. С. 115–120.
10. Коршук Е.В. Кросс-культурная интерференция в иноязычном общении. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/26213/1/korshuk_BMW_2011.pdf
11. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
12. Маханькова Н.В., Пушина Н.И. Стратегии предупреждения интерференции родного языка в иноязычной речи // 2007. – Год русского языка в Удмуртии: материалы региональной, научно-практической конференции. / Ижевск, 2007. С. 156–159.
13. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
14. Миньяр-Белоручев Р.К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 1996. 144 с.
15. Мишланова С.Л., Пищальникова Е.П. Синтаксическая интерференция на примере грамматической категории темпоральности при изучении английского языка как второго иностранного на базе немецкого языка // Иностранные языки в контексте культуры: сб. ст. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвящ. 115-летию со дня рождения В. В. Вейдле (Пермь, Перм. ун-т, 23 апреля 2010 г.): в 2 т. Т. 1: Актуальные проблемы когнитивной лингвистики и лингводидактики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. С. 264–270.
16. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2007. 328 с.
17. Ромеро Интриаго Д.И., Сяоцянь Ду. Культурная интерференция в языке // Проблемы лингвистики и лингводидактики: Международный сборник научных статей. Вып. 5. Белгород: Издательство: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2017. С. 121–125.
18. Сигал К.Я. Синтаксические этюды. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 156 с.
19. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 262 с.
20. Тимачев П.В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 17 с.
21. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 61–80.
22. Шелестова О.В. Способы предупреждения и преодоления интерференции при изучении неродственных языков (на примере английского и арабского языков) // Казанский педагогический журнал. 2008. № 5. С. 14–20.
23. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. 245 с.
24. Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие. Петроград, 1915. Т. 1. С приложением текстов. С. 176. Internet Archive – archive.org. URL: <https://archive.org/details>

Пушина Наталья Иосифовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Маханькова Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
E-mail: emilywill@yandex.ru

Широких Елена Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
E-mail: elshirokih@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

N.I. Pushina, N.V. Makhankova, E.A. Shirokikh

**CULTURAL INTERFERENCE IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION:
VERBAL / NONVERBAL ASPECTS**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-766-774

The article is devoted to cultural interference in intercultural/cross-cultural communication. Traditionally, the concept of interference is connected with the violation of language norms under the influence of elements of another language. It is also connected with the process of one language influence upon another. Interference is closely connected with the problem of second language acquisition, which should be paid special attention to while teaching a foreign language. Both verbal and non-verbal interference is no less important on the level of cultures in intercultural communication. Wrong interpretation of the information by the natives and representatives of one culture may lead to disagreements, undesirable conflicts and dangerous consequences. In intercultural communication it is important to interpret the background vocabulary correctly (country studies interference), to pay attention in different cultures to similar realia, phenomena, norms of behaviour and in general to reflection on the system of values common for the society stereotypes, settings, behaviour, communication forms which are passed down from generation to generation.

Keywords: interference, cultural interference, intercultural communication, cross-cultural communication, language norm violation, verbal interference, non-verbal interference, background vocabulary, cultural realia, norms of behaviour, system of values.

REFERENCES

1. Aliimov V.V. Teorija perevoda. Perevod v sphere professionalnoi communicatsii [Theory of Translation. Translation in the Sphere of Professional Communication]. M.: Editorial URSS, 2005. 160 s. (In Russian).
2. Bagramova N.V., Solomina A.V. Rol interlingvisticheskikh i intralingvisticheskikh protsessov pri izutchenii inostrannich jazikov [The Role of Interlanguage and Intralanguage Processes in Learning Foreign Languages] // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2015. № 174. S. 44–53. (In Russian).
3. Weinreich U. Jazikovie contacti. Sostojanie i problemi issledovanija [Languages in Contact]. Kiev: Vistcha shkola, 1979. 264 s.
4. Vinogradov V.A. Interferentsia [Interference] // Lingvisticheskiy entciclopedicheskiy slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya entciclopedia, 1990. S. 197. (In Russian).
5. Visson L. Russkie problemi v angliyskoii retchi. Slova i phrazi v kontexte #dvuch kultur [Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures]. M.: R. Valent, 2007. 192 s.
6. Galscova N.D. Mezhdunarodnoje obutchenije: problema tseleiy i sodержanija obutchenija inostrannim jazikam [Cross-cultural Teaching: the Issue of Goals and Contents of Teaching Foreign Languages]. IJASHA, 2004. № 1. S. 3–7. (In Russian).
7. Goncharova O.N. O jazikovoi interferentsii [About Language Interference] // Voprosy teorii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Uchenye zapiski [Issues of Theory and Techniques of Teaching Foreign Languages. Memoirs]. № 274. Perm, 1974. S. 83–88. (In Russian).
8. Zharkova T.I. Interferentsija kak odin iz barierov dlja realisatsii bisness obschenija [Interference as One of the Barriers to Realize Business-communication] // URL: <https://urok.1sept.ru/articles/518122> (In Russian).
9. Ismagilova N.V. Morpfologicheskaja interferentsija pri utchebnom russko-anglijskom bilingvisme i sposobi ejo preodolenija [The Morphological Interference in educational Russian-English Bilingualism and Methods for its Overcoming] // Teorija i practika jazikovoy communicatsii: materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoy konferentsii [Theory and Practice of Language Communication: collection of XIV International scientific-methodical

- conference materials] / Ufimsk. gos. aviats. tech. un-t. Ufa : UGATU, 2022. S. 115–120. (In Russian).
10. Korshuk E.B. Cross-culturnaja interferentsija v inozachnom obchenii [Cross-cultural Interference in Foreign Language Communication]. // URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/26213/1/korshuk_BMW_2011.pdf (In Russian).
 11. Kreydlin G.E. Neverbalnaja Semiotica: Jazik tela i estestvennyj jazik [Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. M.: Novoje literaturnoe obozrenije [New Literary Review], 2004. 504 s. (In Russian).
 12. Makhankova N.V., Pushina N.I. Strategii predupreshdenija interferentsii rodnogo jazika v inozachnoj rechi [Strategies to prevent native language interference in foreign speech] // 2007. – God russkogo jazika v Udmurtii: materialy regionalnoj, nauchno-practicheskoj konferencii [The Russian Language Year in Udmurtia: collection of regional scientific-practical conference materials]. Izhevsk, 2007. S. 156–159. (In Russian).
 13. Mechkovskaya N.B. Sotsialnaja Lingvistika [Social Linguistics перевод на английский язык наименования монографии]. M.: Aspekt Press, 1996. 207 s. (In Russian).
 14. Min'yar-Beloručev R.K. Metodicheskiy slovník. Tolkovyy slovar' terminov metodiki obučeniya yazykam [Dictionary of Methodology. Terminology Thesaurus in Techniques of Teaching Languages]. M.: Stella, 1996. 144 s. (In Russian).
 15. Mishlanova S.L., Pistchalnikova E.P. Sintaksicheskaya interferentsija na primere grammaticheskoj kategorii temporalnosti pri izučenii anglijskogo jazika kak vtorogo inostrannogo na baze nemetskogo jazika [Syntactical Interference by the Example of Grammatical Category of Temporality While Studying English as the Second Foreign Language Based on the German Language] // Inostrannije jaziki v kontekste culture: sb. st. po materialam VII mezhdunar. nauch.-pract. conf. «Inostrannije jaziki i literaturi v kontekste kulturnykh», posvjash. 115-letiju so dnia rozhdenija V.V. Veidle (Perm, Perm. Un-t, 23 aprelya 2010 g.) [Foreign Languages in Culture Context: collection of scientific articles]: в 2 т. Т. 1: Aktualnie problemi kognitivnoj lingvistiki i lingvodidaktiki / Perm. gos. un-t. Perm, 2010. S. 264–270. (In Russian).
 16. Prohorov Ju.E., Sternin I.A. Russkije: kommunikativnoje povedenie [Russians: Communicative Behavior]. M.: Flinta: Nauka, 2007. 328 s. (In Russian).
 17. Romero Intriago D.I., Siaotsjan Du. Culturnaja interferentsija v jazike [Cultural Interference in the Language] // Problemi lingvistiki i lingvodidaktiki: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh statej. Vip.5 [Linguistics and Linguodidactics Issues: international collection of scientific articles]. Belgorod: Isd-vo: IPTS «POLITERRA», 2017. P.121–125. (In Russian).
 18. Sigal K.Ja. Sintaksicheskie etjudy [Essays on Syntax]. M.: Academia gumanitarnich issledovanij, 2006. 156 s. (In Russian).
 19. Ter-Minasova S.G. Jazik i mezhculturnaja communicatsia [Cultural Interference in the Language]. M.: Slovo, 2000. 262 s. (In Russian).
 20. Timatčev P.V. Lingvoculturnaja interferentsia kak kommunikativnaja pomecha (na materiale anglijskogo jazika) [Linguocultural Interference as a Communicative Obstacle (on the Basis of the English Language)]: avtoref. dis... cand. philol. nauk [dissertation abstract for the degree of candidate of sciences]. Volgograd, 2005. 17 s. (In Russian).
 21. Haugen E. Jazikovoy kontakt [Language Contact] // Novoje v lingvistike [New in Linguistics]. Vip. 6. M., 1972. S. 61–80. (In Russian).
 22. Shelestova O.V. Sposobi preduprezhdenija i preodolenija interferentsii pri izučenii nerodstvennykh jazikov (na primere anglijskogo i arabskogo jazikov) [Means of Preventing and Overcoming Interference while Studying Unrelated Languages (English and Arabic)] // Kazanskiy pedagogičeskij žurnal [Kazan Pedagogical Journal]. 2008. № 5. S. 14–20. (In Russian).
 23. Shchepilova A.V. Teorija i metodika obučeniya frantsuskomu jaziku kak vtoromu inostrannomu [Theory and Methods of Teaching French as a Second Foreign Language]. M.: Gumanitar. izd. tsentr. VLADOS, 2005. 245 s. (In Russian).
 24. Shcherba L.V. Vostočno-luzhitskoje narečije. Petrograd, 1915. T. 1. S priloženiem tekstov [Eastern Lusatian dialect]. S. 176. Internet Archiv – archive. org <https://archive.org/details> mode. (In Russian).

Received 08.01.2023

Pushina N.I., Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department of Language Theory, Intercultural Communication and Foreign Literature

E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Makhankova N.V., Candidate of Pedagogy,

Associate Professor of the Department of Language Theory, Intercultural Communication and Foreign Literature

E-mail: emilywill@yandex.ru

Shirokikh E.A., Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Language Theory, Intercultural Communication and Foreign Literature

E-mail: elshirokikh@gmail.com

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034